

Гергиев, которого мы потеряли

Концерт оркестра Мариинского театра в БЗК

Еще и месяца не прошло тех пор, как отечественные СМИ с восторгом сообщили о назначении Гергиева главным приглашенным дирижером престижной «Метрополитен-опера» в Нью-Йорке, хотя радоваться особенно было нечему. Третий пульт главного дирижера, не считая остальных оркестров, с которыми периодически выступает Гергиев, все сильнее отделяет нас от того счастливого времени, когда мы верили в возможность существования отдельно взятого валяющегося оперного театра в серости российской оперной действительности. Где вы, шесть ежегодных премьер, каждая из которых заставляла с риском для здоровья проводить ночи в «фирменных» и «нефирменных» поездах Москва—Питер? Где вы фестивали

(Мусоргский, Прокофьев, Римский-Корсаков) и обвешанные премьеры? Вот и намеченная на октябрь «Сила судьбы» Верди в первой редакции (а разговоры о ней ведутся уже года три) перенесена на весну.

Для Мариинского театра уже стало нормой «создавать» новые версии спектаклей, используя для «Парсифаля» – декорации списанного «Дон Жуана», для «Бориса» – то, что осталось от двух предыдущих постановок.

Став достойной опорой для главного дирижера «Мет» Джеймса Левайна, у себя дома Гергиев так и не взрастил достойного помощника. И в тот момент, когда он покидает театр, там наступает «мертвый сезон».

Простым арифметическим подсчетом можно вычислить, что по три месяца (а это минимум), проведенных маэстро в Нью-Йорке и Роттердаме, где он возглавляет филармонический оркестр, в сумме с двумя летними месяцами, когда театр закрыт, и бесконечными гастрольными поездками, спрессовывают «немертвый» сезон до одного-двух месяцев.

Памятное выступление маэстро в Москве со своим оркестром состоялось больше года назад. И мы стали свидетелями великолепного исполнения «Ромео и Джульетты» Берлиоза и Третьего фортепианного концерта Прокофьева с пылким солистом Лексо Торадзе. С тех пор мне

удалось услышать Гергиева в Москве: он выступал с БСО имени Чайковского по поводу присуждения ему премии имени Шостаковича Фондом Юрия Башмета; с Мариинским театром во время фестиваля «Золотая маска»; с РНО во время московского юбилея и в Зальцбурге, где дирижер озвучивал старую постановку «Бориса Годунова» Мусоргского.

Сказать, что эти явления Гергиева не принесли ожидаемого удовлетворения, значит не сказать. Даже обожающие худрука Мариинки питерские журналисты обиделись на него, углядев в его «залетах» в родное

гнездо только желание отрепетировать свои западные программы. Гергиев вновь и вновь подтверждал трюизм: «служенье муз не терпит суеты». И музыкальное подвижничество, которое заставляет его дирижировать чуть ли не каждый день, шло только во вред искусству и сводило на нет все его пламенные усилия.

В среду в БЗК Гергиев был в своем репертуаре: прилетел после обеда из Лондона. Перенос начала концерта на 20.00 несколько не повлиял на патологическую страсть Гергиева опаздывать на 20 минут. Загадкой остается вопрос, что он успел отрепетировать за это время. Но вопреки этим «объективным причинам», на этот раз мы словно перенеслись лет на 7 назад, когда еще «неконвертируемый маэстро» радовал питерскую публику каждым своим выходом. Анонсы выступления в Москве оркестра Мариинского театра, организованного получившим от Гергиева эксклюзивные продюсерские права «Госконцертом», уже давно сообщали о предстоящем исполнении Шестой симфонии Густава Малера. Но слушателям был подготовлен подарок в виде скрябинского «Прометея» («Поэмы огня»). В интерпретации Гергиева ювелирная прозрачность потока идеалистического скрябинского сознания скорее наводила на мысль о «бледном пламени». И если вспомнить, что в партитуру Скрябиным была вписана «световая строка» (цвето-музыкальные исполнения «Прометея» по-прежнему остаются раритетом), то у Гергиева она превратилась в палитру тонких пастельных оттенков и полутонов. И даже огненный столп финала прозвучал на редкость тонко и убедительно.

Сложнейший внутренний мир поэмы открывался через лихорадочную импульсивность, декадентскую пряность гармоний, ускользающее и недостижимое ощущение «мировой души». Тревожная и таинственная сила

универсума, созидающее начало «промеевых» аккордов оказались близки «пламенному» и порой непредсказуемому дирижеру. И здесь ему уже не смогли помешать ни скованность солирующего пианиста (после прошлогоднего прокофьевского концерта Лексо Торадзе было трудно узнать), ни плохо отрепетированный хор (под управлением Игоря Раевского). Гигантская Шестая симфония Малера, называемая еще «Трагической», прозвучала во втором отделении, и кое-кто торопливо, поглядывая на часы, покидал зал в перерывах между ее частями. И зря. Ведь такое максимально приближенное к европейским традициям исполнения малеровской

музыки в наших залах – большая редкость. В начале симфонии' несколько удивил быстрый темп, но замедление других частей позволило Гергиеву только подчеркнуть весь трагизм симфонии композитора-капельмейстера. Загадкой, правда, остается тот факт, что музыканты оркестра понимают сложные и загадочные движения рук дирижера. Но так или иначе, результат на этот раз победил все предубеждения. В ожидающей музыкальных откровений остается только один вопрос; сколько в бесконечной гастрольной череде Гергиева таких выступлений, когда хочется пожалеть, что мы потеряли его вместе с временами, когда он еще не был известен на берегах Рейна и Гудзона.

Вадим Журавлев Независимая газета, 18 октября 1997 года